

Вячеслав Иванов. Curriculum vitae.

(Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова /
Публикация Н.В. Котрелева)

Одним из самых примечательных гостей Герцыков в Судаче был Вячеслав Иванов.

В бумагах историка литературы П.Н. Сакулина хранится неизданная и не привлекавшая внимания автобиография Вяч. Иванова (автограф на двойном листе писчей бумаги, чернила)¹. По всей вероятности, она была написана поэтом-гуманистом для Общества любителей российской словесности², с которым Сакулин был тесно связан в пореволюционные годы (с 1921 г. и до закрытия Общества он состоял его председателем). В конце текста карандашом проставлена дата: 1919 г. Эта помета сделана не рукою автора, но, кажется, достаточно верна, как следует из содержания автобиографии: в ней говорится о печатающемся "втором, переработанном издании" ивановских переводов Алкея и Сафо, что приводит нас к началу 1919 г. (подробнее о датах упоминаемых Ивановым издательских проектов см. ниже в примечаниях).

Давно известно "Автобиографическое письмо" Вяч. Иванова к С.А. Венгеру, долгие десятилетия, пока молчали архивы, служившее единственным источником систематизированных сведений о жизни поэта³. Недавно опубликована более ранняя (1904) автобиография Иванова, написанная по заказу того же замечательного историографа русской литературы и послужившая ему материалом для первой энциклопедической статьи о поэте⁴. В 1909 г. была факсимильно напечатана десятистрочная автобиографическая заметка Иванова⁵. Наконец, Г.В. Обатнин ввел в оборот позднюю анкету Иванова, отправленную из Италии при его баллотировке в Государственную Академию Художественных наук.⁶

По времени написания, как видно, публикуемый документ близок классическому "Автобиографическому письму", но содержанием своим заметно от него отличен, что тем более и ценно для нас. "Письмо" к С.А. Венгеру – рассказ о целой жизни, очевидно связанный с поэмой "Младенчество", с ивановским преданием о самом себе. Более ранний ответ на венгерскую анкету был написан по сути дела литературным дебютантом, и его центром оказались моменты профессионального признания, цехового самоутверждения: разрозненные и еще немногочисленные публикации должны были быть учтены, равно как и все, даже маловажные, по серьезному счету, отклики критики на них. Автобиография 1926 г. – весьма сухая академическая справка, сводящаяся в основном к библиографическим сведениям.

Приводимая автобиография, адресованная, как я предполагаю, ученому обществу любителей, т.е. литературной академии – в старинном смысле этого слова, посвящена по преимуществу Вяч. Иванову – воспитаннику и труднику античного предания, греко-латинской классики русско-европейской культуры. Здесь ни слова о русской поэзии автора, ни о его жизни. Иванов рассказывает только о том, как он учился, как приобщался гуманизму, что сделал на этом поприще. Однако, это не автобиография ученого. Ценность гуманизма не в сумме отвлеченных знаний о древних и не просто в овладении их языками. Гуманист, филолог сознает и вскрывает свою

живую укорененность в древности, претворяя старину, он восстанавливает (или утверждает) единство мировой жизни. Характерно признание, когда речь заходит о перерыве в научных занятиях "вследствие перемены в семейной жизни и увлечения литературною деятельностью": "Впрочем, надолго расстаться с наукою я не мог". Еще красноречивее выбор тем, которые определили восприятие и истолкование Ивановым его собственной современности – в опыте и символах древности: он "сначала принялся за неоконченное исследование об оракулах и сивилиллинических пророчествах, влиявших на развитие римской государственной идеи до Августа и при Августе, а потом - под импульсом Ницше - за изучение Дионисовой религии". Трудно не догадаться: Иванов рассматривает институт прорицательства и его роль в судьбах римского государства, завершившего развитие дохристианского мира, в связи с тем, что сознает свое поэтическое призвание как пророческое, а свое время – как время близкого и катастрофического перелома в истории, если не ее конца. Дионисизм, сперва в ницшеанской интерпретации, затем – в полемике с ницшеанством, стал темой ивановской проповеди и инструментом чаемого преображения человечества.

Однако самое важное в печатаемом документе выражено не столько словами, сколько авторским жестом, графикой, которую набором передать трудно: последняя фраза (начиная со слов "В заключение прибавлю"), судя по почерку, – прибавка, сделанная после того, как весь текст был переписан или записан набело, без помарок, ровным разбегом почерка и без остановок, на одном дыхании. Автор закончил – и обдумал значение описанного пути, своей жизни, и переопенил сказанное: "В заключение прибавлю: мне кажется, что своею поэзией и статьями об искусстве, в частности о живом значении древней трагедии для нашего времени - я больше способствовал пробуждению интереса к классической древности, чем немногими доныне напечатанными работами и многочисленными читанными и читаемыми мною лекциями по эллинской религии и литературе."⁷ Художество важнее науки, не вообще, не всегда, говорит Иванов, ссылаясь на свое представление о собственном творчестве, но именно в его случае.

Curriculum vitae.

Сын землемера, я родился в Москве в 1866 году. В 1884 г., по окончании (с золотою медалью) курса гимназии (Московской Первой), поступил на историко-филологический факультет Московского Университета, где, будучи на первом курсе, получил премию за латинское сочинение и письменную работу по греческому языку⁸ и в течении двух лет пользовался присужденною по конкурсу стипендией. В 1886 г. я вышел из Университета для продолжения университетских занятий за границей, куда отправился с рекомендательными письмами в Бонн к Бюхелеру и Узенеру от проф. <ессора> Зубкова⁹ и с другою программой, составленною для меня проф. П. Виноградовым¹⁰. Приняв решение следовать указаниям последнего (вопреки своему внутреннему влечению), я поступил в берлинский университет, студентом которого

состоял в течении девяти семестров. Работал я все это время под общим наблюдением и руководством Павла Гавриловича Виноградова¹¹ - сначала преимущественно в семинариях Моммзена, Бреслау, Ваттенбаха, потом - в филологическом Гюбнера и исторических Моммзена и Оттона Гиршфельда, а также философском (по Аристотелю) Целлера, в области же курсов с особенною любовью у Фалена. По окончании обширной работы о римских государственных откупах, как в эпоху республики, так и империи, я отправился для пополнения научных знаний и переработки первой части своей немецкой рукописи (об откупах за время республики) в латинскую диссертацию - сначала в Париж, потом надолго в Рим, где слушал курсы Германского Археологического Института. В 1896 г. прилагаемое латинское сочинение (*De Societatibus Vestigalium*)¹² было принято берлинским философским факультетом в качестве докторской диссертации, на основании подробной и одобрительной рецензии, написанной Моммзеном (см. p. 26 adn. 137)¹³. Тем не менее, этой работе суждено было появиться в свет только в 1911 г.¹⁴, в Петербурге, в Записках Императорского Русского Археологического Общества, после чего я получил от Общества диплом на звание его действительного члена. Причиной тому был внезапный перерыв моих научных занятий вследствие перемены в семейной жизни и увлечения литературною деятельностью. Впрочем, надолго расстаться с наукою я не мог и сначала принялся за неоконченное исследование об оракулах и сивилиллинских пророчествах, влиявших на развитие римской государственной идеи до Августа и при Августе, а потом - под импульсом Ницше - за изучение Дионисовой религии. Это устремление моих научных интересов наконец впервые и всецело к Элладе отметилось появлением в Журнале Мин. <инистерства> Народ. <ного> Просвещения за 1898 г. моего перевода размером подлинника Первой Пифийской Оды Пиндара¹⁵. С весны 1902 до весны 1903 г. я жил в Афинах, изучал топографию, музеи, надписи по камням (под руководством Дерпфельда и Вильгельма) и в библиотеке Германского Археологического Института собирал материалы по истории Дионисова культа. Первым результатом этих занятий был курс лекций о религии Диониса, читанный мною, по приглашению М.М. Ковалевского, в русской Высшей Школе Общественных наук в Париже, в 1903 году. Из этого курса возникли статьи под заглавием "Эллинская религия страдающего бога", печатавшаяся в книжках "Нового Пути" за 1904 г., и

- как их продолжение - статьи под заглавием "Религия Диониса" в книжках журнала "Вопросы жизни" за 1905 год¹⁶. Названные статьи, собранные и исправленные, напечатаны отдельной книгой, содержащей общий очерк Дионисовой религии; надеюсь, что она в скорейшем времени появится в свет, если несброшюрованные листы (числом 14) сохранились в петербургской типографии "Сириус", печатавшей их несколько лет тому назад¹⁷. Своевременный выход в свет этой книги не состоялся вследствие желания издателей напечатать раньше второй том "Эллинской религии страдающего бога", вдвое больший по объему и содержащий специальные исследования отдельных проблем Дионисовой религии, снабженные научным аппаратом, и выпустить оба тома (или же три томика) вместе. Между тем внешние обстоятельства помешали продолжению трудного набора и из второго тома верстано было всего 5 листов, что составляет менее, чем одну шестую часть моей рукописи, законченной в Риме в 1913 году¹⁸. Глава о происхождении трагедии была выделена мною из разросшегося второго тома и печатается в издательстве М. и С. Сабашниковых отдельной книжкой, но типографские трудности безнадежно задерживают ее выход¹⁹. Глава же о "Дионисе орфическом" в сокращении напечатана была мною в XI книге "Русской Мысли" за 1913 год²⁰. В учебные годы 1910/1911 и 1911/1912 я преподавал в Петербурге на Высших Женских Курсах Раева историю античных литератур и вел семинарий по Горацию (*Ars Poëtica*). Из читанных мною курсов возник очерк "Эпос Гомера", предпосланный изданию переводов Илиады и Одиссеи под редакцией А.Е. Грузинского (изд. "Окто", 1912 г.). Из своих переводов античных поэтов упомяну еще перевод Бакхилидова дифирамба "Фесей" с историко-литературным введением (в моем сборнике стихов "Прозрачность", М. 1904), сотрудничество в печатающемся собрании греческих лириков ("Памятники Мировой Литературы" М. и С. Сабашниковых)²¹ и мою книгу "Алкей и Сафо" (там же, М. 1914), содержащую вступительный очерк, собрание прежде известных песен и лирических отрывков в переложениях размерами подлинников и перевод новых текстов по Оксиринхским папирусам; в настоящее время печатается второе, переработанное мною издание этой книги²². Из Эсхила переведены мною и приобретены издателями "Памятников Мировой Литературы" трилогия "Орестея", "Персы" и "Семь против Фив"²³. В заключение прибавлю: мне кажется, что своею поэзией и статьями об искусстве, в

частности о живом значении древней трагедии для нашего времени - я больше способствовал пробуждению интереса к классической древности, чем немногими доныне напечатанными работами и многочисленными читанными и читаемыми мною лекциями по эллинской религии и литературе.

Вячеслав Иванов

Скрупулезный академический комментарий, я полагаю, при этой публикации не целесообразен, хотя бы потому, что он при должном отношении к делу многократно превзойдет ивановский текст объемом. Ниже я отмечу только наиболее интересные моменты печатаемой автобиографии, не встречающиеся либо иначе представленные в других, вышеупомянутых.

¹ РГБ. – Ф. 264.74.62.

² Ср.: Котрелев, Николай. Иванов - член Общества любителей российской словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // *Eurota orientalis*. - 1993. - N. 1 (XII). - P. 323-335.

³ "Автрибиографическое письмо" Вяч. Иванова к С.А. Венгеру // *Русская литература XX века (1890-1910)* / Под. ред. С.А. Венгерова. – М., 1918. – Т. 3. Вып. VIII. – С. 81-96; письмо автором датировано: "Сочи, январь-февраль 1917 г."; об истории этого текста см.: Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгером / Публ. О.А. Кузнецовой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год*. - СПб., 1993. - С. 72, 99.

⁴ Там же, с. 74, 82-87.

⁵ Иванов, Вячеслав. <Автобиография> // *Книга о русских поэтах последнего десятилетия : Критические очерки. Стихотворения и автографы-автобиографии* / Под ред. Модеста Гофмана. – СПб.: М., <1909>. – С. 263.

⁶ Иванов, Вяч. Доклад "Евангельский смысл слова "земля"; Письма; Автобиография (1926) / Публикация, вступительная статья и комментарий Г.В. Обатнина // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год*. - СПб.: Академический проект, 1994. - С. 142-170.

⁷ Эту убежденность Иванова разделяли и иные его собеседники – например, М.И. Ростовцев так отвечал в марте 1913 г. на неизвестное нам письмо Иванова, в котором поэт сообщал историку, несомненно, о своем решении оставить преподавание на частных женских курсах ради перевода греческого трагика: "...я с Вами совершенно согласен, что Эсхил по-русски важнее для России, чем несколько лекций на Раевских курсах. С нетерпением будем ждать и обещанного Эсхила, и возрождающегося Диониса" (Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю. Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов // *Вестник древней истории*. - 1993. - Окт., нояб., дек. (№ 4). - С. 210-221; о "Дионисе" см. ниже, примеч. 17 и сл.).

⁸ Ср.: "За особые успехи по древним языкам удостоены половинных филологических премий студенты историко-филологического факультета III-го курса Соболевский Сергей, I-го курса Иванов Вячеслав и II-го курса Апшельрот Владимир; работа же студента I-го курса Козловского Игнатия удостоена почетного отзыва" (Отчет о

состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1884 год. – М., 1885. – С. 26).

⁹ Речь идет о Владимире Григорьевиче Зубкове, в 1884 г. (одновременно с упоминаемым далее П.Г. Виноградовым) получившем экстраординарную профессию по классической филологии в Московском университете. Именно с ним, по-видимому, в основном работал Иванов в два свои университетских года в Москве. В связи с этим отмечу, что, судя по изданным литографически курсам Зубкова, в эти годы он разбирал со студентами Софокла (см.: Зубков В.Г. Трахинянки: Трагедия Софокла: Лекции, читанные Зубковым в 1884/85 году. <М.>, 1885; Зубков В.Г. Филоктет: Трагедия Софокла: <Лекции> 1885. – <М., 1885>).

¹⁰ "Годы учения" Иванова, с привлечением весьма ценных неизданных документов из немецких архивов, рассмотрены в работе: Wachtel, Michael. Вячеслав Иванов - студент Берлинского университета // *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjaceslav Ivanov et son temps.* - Paris, 1994. – (= *Cahiers du Monde russe.* - 1994. - Janv.-juin.) – P. 353-376. К этому исследованию я с удовольствием отсылаю за всеми известными на сегодня подробностями немецких студенческих лет Иванова (см., однако и другую публикацию М. Вахтеля: *Die Korrespondenz zwischen Vjaceslav Ivanov und Karl Krumbacher / Michael Wachtel // Zeitschrift für Slavistik.* - 1992. - Jhrg. 37. - Ht. 3. - S. 330-342; см. также работу, упомянутую выше, в примечании 7). Тот, кто решит продолжить розыскания американского ученого, найдет много дополнительных сведений о курсах и семинарах, которые посещал Иванов в Берлине, о его университетских знакомствах в записной книжке Иванова за конец 1880 – начало 1890-х гг. – РГБ. - Ф. 109.1.3.

¹¹ Следует отметить, что знаменитый русский историк П.Г. Виноградов сам некоторое время учился у Моммзена. – Во всех автобиографиях Иванов настоятельно говорит о своей долгой покорности рекомендациям Виноградова, вопреки инстинктивной тяге к филологии и эллинистическому миру. Какие бы то ни было документы, освещающие растянувшиеся во времени отношения учителя и послушника, пока не известны, а может быть, никогда и не будут обнаружены – что, однако, не лишает достоверности ивановские уверения. Сходным образом долгие десятилетия отсутствовали документальные свидетельства об ученичестве Иванова у великого Моммзена, а когда они появились, решивший обнаружить их М. Вахтель с удивлением отмечал, что реальный объем академических отношений между русским студентом и немецким учителем был сравнительно невелик. Вахтель, ища выход из своего недоумения, справедливо указывает на главное, что притянуло Иванова к Моммзену: "Иванов не мог равнодушно отнестись к человеку, которого он считал воплощением гения" (ук. соч., р. 355). С тем же мы сталкиваемся и тогда, когда речь заходит об участии Вл. Соловьева в судьбе Вяч. Иванова, – и тут считанное число встреч и благодарное исповедание себя учеником, даже "крестным сыном" (как говорит Иванов в стихотворном послании к Александру Блоку). Учителя Иванов мог бы выбрать и заочно (собственно, так он и выбирал: Гете, Новалиса, других). Все становится совершенно понятно в своей естественности, если мы сообразим, что речь шла для Иванова не о самохвальстве, а о самоопределении в традиции, – самостийной эпохе Иванов последовательно противопоставлял путешествие по "кормчим звездам".

¹² К письму прилагалось (ныне отсутствует) издание: *Ivanov, Venceslaus. De societibus vestigalium publicorum populi romani.* – СПб., 1910. – <7>, 132 с. – (= Записки Классического Отделения Императорского Археологического Общества. – Вып. 6. –

Приложение, отд. паг.). В свое время был выпущен репринт этого издания: Roma: "L'Esna" di Bretschneider, 1971.

13 На с. 26 в примечании 137 Иванов цитирует отзыв Моммзена.

14 Ошибка памяти: книга вышла в 1910 г. (см. прим. 11) и была зарегистрирована "Книжной летописью" (№ 19, 15 мая) среди изданий, поступивших от типографий с 4 по 11 мая 1910.

15 Пиндар. Первая пифийская ода Пиндара / Пер. размером подлинника Вячеслава Иванова // Журнал Министерства Народного Просвещения. - 1899. - Авг. - Отд. III. - С. 49-56.

По обычаю, в обращение был выпущен отдельный оттиск из журнала: Пиндар. Первая пифийская ода Пиндара / Пер. размером подлинника Вячеслава Иванова. - СПб., 1899 (Тип. В. Балашов и К.). - 11 с.

16 См.: Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. - 1904. - Янв. - С. 110-134; Февр. - С. 48-78; Март. - С. 38-61; Май. - С. 28-40; Авг. - С. 17-26; Сент. - С. 47-70. - Религия Диониса // Вопросы жизни. - 1905. - Июнь. - С. 185-220; Июль. - С. 122-147. - Заглавие статьи в июньском номере: Религия Диониса : Ее происхождение и влияния.

17 Здесь начинается самая интересная, с фактологической точки зрения, часть этой автобиографии, касающаяся истории издания (собственно говоря, неиздания) одного из главных сочинений ученого. Иванов принадлежал к самому благородному роду пишущих: работа над произведением подчинялась у него внутреннему ритму жизни автора и роста самого произведения, а не издательскому заказу. Высокий смысл творчества, ответственность перед замыслом определяли поведение писателя. Иванов работал постоянно, много и эффективно. Труд для него был не только инстинктивной потребностью, естественным состоянием и наслаждением, но и процессом раскрытия истины, выявления ее природной формы. Отсюда степенная неспешность его работы. В итоге латинская диссертация увидела свет через пятнадцать лет после написания, да и то под жестким напором М.И. Ростовцева. Книга о дионисизме не вышла в свет вовсе. Здесь нет надобности и возможности полной реконструкции истории ее незавершившегося издания, обратим внимание только на главное (за первыми подробностями отошлю к моей справке в книге: Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; Изд. подготовили Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; Отв. ред. Н.И. Балашов. - М.: Наука, 1989. - С. 556-557).

В 1923 г. Иванов писал из Баку своему петроградскому издателю: "Весьма желал бы видеть изданною мою "Эллинскую религию страдающего бога" <...> Напечатанное издание погибло на складе "Сириуса". Есть только один экземпляр" и т.д. (ук. соч., с. 557). Из печатаемого документа ясно, что печальная судьба постигла законченный набор и оттиски первого тома ивановского труда при неведомых условиях в Петрограде, тогда как в литературе бытует убежденность (разделявшаяся и пишущим), будто виною всему был пожар в издательстве "М. и С. Сабашниковы" при октябрьских боях 1917 года в Москве.

18 Именно поэтому о "возрождающемся Дионисе" говорится в письме весны 1913 года, отрывок из которого приведен в примеч. 7. Новая книга была поручена московскому "Мусагету", бывшему издательским органом той группы символистов, к которой примыкал Иванов (именно по этой интимной связи с "издателями", вероятно, он и не

называет их имени в автобиографии). Организационная неразбериха в "Musagete" была известна всей Москве, к моменту составления *currículum vitae* издательство уже прекратило существование – поэтому Иванов и говорит уже о возможности появления в свет только первого тома, надеясь на сохранность его петербургского тиража. Ср. его слова в предисловии к бакинской версии труда: "Основой подлежащей монографии послужил ряд концептов, набросанных мною в 1913 г. в Риме. <...> В Москве издательство "Musagete" предприняло их издание отдельной книгой; но, отвлеченный другими заботами, я не довел печатания до конца" (Иванов, Вячеслав. Дионис и прадионисийство. – Баку, 1923. – С. V).

¹⁹ Эта работа, фигурирующая в издательских документах чаще всего под названием "Эпос Гомера и происхождение трагедии" (объемом около пяти листов) была вполне набрана, еще в начале двадцатых работ упоминалась в планах издательства, однако, так и не вышла в свет.

²⁰ О Дионисе орфическом // Русская мысль. – 1913. – Ноябрь. – 2-я паг. – С. 70-98.

²¹ Подготовка издания не была доведена до конца (ее начальный этап освещен в моей еще незаконченной работе: Котрелев Н.В. Материалы к истории серии "Памятники мировой литературы" издательства М. и С. Сабашниковых: (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей. - М.: ВГБИЛ, 1990. - С. 127-150). Материал, собранный для антологии В.О. Нилендером, в т.ч. и переводы Вяч. Иванова, был использован в издании: Греческая литература в избранных переводах / Сост. В.О. Нилендер. – М.: Советский писатель, 1939.

²² Действительная история этой книги не проста. В 1914 г. было выпущено издание: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. - М. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. - 222 с., илл. - 1 р. 25 к., 2000 экз. (зарегистрировано "Книжной летописью" в 1914 г. под № 14225). Весной 1915 г. "Книжная летопись" зарегистрировала (под № 11241) еще одно издание, описание которого в библиографии выглядит необычно: Алкей и Сафо. - М., 1915 (Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и К.). - 8° (15x20). - 193-255 с. - 1 р. 25 к., 1400 экз. Дело было в том, что в 1914 г. Сабашников выпустил книгу, в которую вошли только те произведения древних лириков, которые были известны Новому времени до публикации Оксиринских папирусов. Для издателя и переводчика это издание было предварительным, пуская его в оборот, Сабашников уже предусматривал скорое его расширение. Получив от М.И. Ростовцева очередной том оксфордского издания этих рукописей, Иванов спешно переложил ставшие доступными тексты, и набор их был отцензурирован отдельно и приплетен к части тиража первого издания, в качестве страниц 193-255. В продаже появились книги, одинаковые по оформлению, но различающиеся содержанием. В 1919 было подготовлено новое, третье издание (Иванов называет его вторым, поскольку первое, предварительное считает как бы и небывшим), в корне перекомпонованное, а местами и переведенное заново. Однако из-за трудностей советского времени оно так и не увидело света.

²³ "Орестея" была напечатана – без имени автора! – лишь в 1950 г., до той поры публиковались небольшие фрагменты. Полностью ивановские переводы Эсхила были опубликованы лишь в 1989 г. – см. издание, указанное в примечании 17.